

П.П.ТОЛОЧКО

КИЕВ — СОПЕРНИК КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В статье обосновывается вывод, что "соперничество" Киева и Константинополя возникло на почве стремления первого уравнивать права на христианское наследство, анализируются особенности становления политической концепции места Руси в средневековом мире.

Псковский монах Филофей в одном из посланий великому московскому князю Василию III сформулировал теорию "Москва — третий Рим"¹. Считается, что возникла она как попытка осмыслить место России во всемирной истории, особенно после падения Константинополя (1453).

Претензии Москвы на место третьего Рима, однако, не были безусловны. В "Повести о новгородском белом клобуке" обосновывается также идея смены двух вселенских центров — "ветхого Рима" и Константинополя "третьим Римом", "еже есть на русской земли", но им выступает не Москва, а Новгород. В то время, как царский венец был пожалован русскому князю "изволением земного царя Константина (Мономаха. — П.Т.) от царствующего сего града (Константинополя. — П.Т.), белый клобук дан архиепископу великого Новгорода "изволением небесного царя Христа"².

"Сказание о князьях Владимирских" — монаха Спиридона-Саввы — преемником Константинополя считает Киев. Император Константин Мономах, покоренный русским оружием, послал киевскому князю Владимиру Всеволодовичу царский венец и "крабицу сердоликову, из нея же Август кесарь римский веселящися", а также "ожерелье", которое Август "на плещу свою носяще". С этого времени, согласно сказанию, "князь велики Володимир Всеволодович наричешя Мономах и царь Великиа Росиа". Позже царские инсигнии, получившие наименование "шапки" и "барм" Мономаха, попали во Владимир, а затем в Москву³.

Политическая доктрина "третьего Рима" в русской общественной мысли эпохи централизации XV—XVI вв. обрела, таким образом, естественное историко-правовое обоснование, а история России через Киевскую Русь как бы сомкнулась с римско-византийской.

Была ли идея преемственности власти Москвы от Рима и Константинополя новой? Большинство исследователей отвечало на этот вопрос утвердительно. М.А.Алпатов полагал, что она возникла как антитеза усиления Турции, захватившей юго-восточную часть Западной Европы, служила символом общеславянского единства и знаменем борьбы за национальную независимость. Это отвечало и интересам Запада, пытавшегося использовать идею исторической миссии России как преемственности византийского наследства, чтобы столкнуть ее с Турцией⁴.

А.Л.Гольдберг в поисках предыстории идеи "Москва — третий Рим" обратился к представлениям древнерусской общественной мысли о "богоизбранности" Руси. Они начали формироваться уже после принятия христианства, но служили якобы для противопоставления православной Руси степным соседям, а в последующие века — татаро-монгольским поработителям. И только с середины XV в. идея об особом назначении "избранной богом" Русской земли приобрела новый смысл⁵.

Н.В.Синицина, исследуя проблему римско-византийской преемственности в русской общественно-политической мысли XV—XVI вв., хотя и утверждает, что доктрина "Москва — третий Рим" не возникла сразу в готовом виде, тем не менее также не выводит ее генезис за пределы XV—XVI вв.⁶.

Конечно, события второй половины XV в., в том числе установление автокефалии московской митрополии (1448), овладение турками Константинополем (1453), брак Ивана III с Софьей Палеолог, создали в православном мире новую историческую ситуацию. Не исключено, что она оказалась действительно выгодной римскому престолу и некоторым западным государствам, пытавшимся использовать доктрину "Москва — третий Рим" в своих интересах. Однако в основе своей она была идеей национальной, имевшей глубокие исторические корни. Как показал Я.Н.Шапов, политическая концепция места страны в мире отчетливо обозначилась уже в эпоху Киевской Руси⁷. Дальнейшее обоснование этой мысли предлагается в настоящей статье.

В литературе чуть ли не хрестоматийным стал тезис о постоянном и длительном противоборстве Киевской Руси и Византии, которое диктовалось будто бы необходимостью защитить политический суверенитет молодого восточнославянского государства. Особое место в претензиях Византии лишить Киевское государство независимости отводилось якобы введению византийского христианства. Под этим углом зрения анализируется древнерусская общественная мысль, обосновывается вывод о ее антивизантийской направленности⁸. Думается, что это упрощенное понимание сути взаимоотношений Киевской Руси и Византии, а равно и их отражения в древнерусской историографии. Политическое соперничество Киева с Константинополем мы принимаем за противоборство на почве отстаивания независимости, а наличие соответствующих сюжетов в летописной и литературной традиции объясняем антивизантийскими настроениями на Руси.

М.А.Алпатов считал, что побудительными мотивами походов киевских князей против Царьграда было стремление к независимости Руси. Даже благочестивые монахи-летописцы, будто бы из этих соображений, хвалили каждый поход на Константинополь, каждый договор, ограждающий Русь, каждого князя, совершавшего эти походы⁹.

В действительности угрозы независимости Руси со стороны Византии никогда не существовало. Огромное расстояние, отделявшее мировую империю от восточнославянских земель, практически исключало возможность применения ею военной силы для давления на Киевскую Русь. История этого и не знает. Наоборот, Киевская Русь осуществляла нападения на империю, которые, впрочем, также не могли привести к подчинению Византии. Неудачи военных экспедиций Святослава показали это со всей очевидностью. Да и не эти цели преследовались. Киевские князья стремились навязать Византии свое равноправное партнерство как в области экономических, так и политических взаимоотношений. Не могла Византия всерьез рассчитывать на политический сюзеренитет над Русью и с помощью христианизации. Несколько византийских церковных иерархов на всю огромную восточнославянскую страну не в состоянии были обеспечить реализацию имперских амбиций византийского двора. Этому препятствовало и то, что древнерусская православная церковь изначально строилась как национальная, о чем свидетельствует церковнославянское богослужение.

К тому же инициатива христианизации Киевской Руси, как и развитие других связей, исходила не из Константинополя, а из Киева. Выражение типа "до Киева дотягивалась рука Константинополя" не отвечает действительности. Летописная повесть о выборе веры Владимиром, как и сообщения о переговорах Ольги и Ярополка с представителями римской церкви, показывает принципиальную возможность любых решений. Суверенное право Руси в этом выборе никем не могло быть ущемлено. Но Владимир и его предшественники склонялись все же к византийскому православию.

Почему? Здесь, конечно, сыграла роль традиция почти двухсотлетнего проникновения на Русь византийского христианства. Но она также была следствием. Причиной же являлся непререкаемый политический авторитет Византии на международной арене, который она унаследовала от своего предшественника — Рима и воздвигла собственными усилиями. На Руси хорошо знали, что византийцы называли себя римлянами — "ромеями", свою империю "римской", а столицу Константинополь "Новым Римом". Величие прошлого и настоящего Византии, военное могущество и необычайно высокий уровень культуры создавали тот идеал вселенской державы, к которому вождельно устремилось молодое восточнославянское государство. Особенно манил к себе русских князей Константинополь, названный на Руси Царьградом.

Получить отсюда царские дары или добыть их силой оружия для многих киевских князей было делом чести. Согласно "Повести

менных лет" такой чести удостоился первый киевский князь Кий. "Сей Кий княжаше в родѣ своем; приходившу ему ко царю, якоже говорятъ, яко велику честь принялъ есть отъ царя"¹⁰. Киев, таким образом, уже при своем рождении как бы сближался с Константинополем. Императорские дары, в том числе после военных походов, получали Олег, Игорь, Ольга, Святослав. Ничего необычного в этом, разумеется, не было, но летописцы считали необходимым особо выделить эти факты, чтобы таким образом уподобить киевских князей императорам.

Важным идеологическим обоснованием претензий киевских князей на равенство с императорами, а также на право преемственности византийской власти явилось описание визита Ольги в Константинополь. Побеседовав с Ольгой, император Константин заявил: "Подобна еси царствовать въ градѣ с нами". Акт крещения Ольги осуществлен императором вместе с патриархом: "и крести ю царь с патриархом"¹¹. В крещении Ольга получает имя Елены. "Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великого Костянтина"¹².

Выбором крестильного имени (возможно, не без участия самой Ольги и ее советников) киевская княгиня обретала духовное родство не только с константинопольскими, но и с римскими традициями власти. Византийская дипломатия скорее всего не придавала этому событию большого значения, но русская видела в нем особый смысл. Оно побудило киевского летописца даже на сочинение поэтической легенды о неудачном сватовстве императора Константина к Ольге.

На самом деле стремление породниться с императорами исходило от киевских князей. Первым его реализовал Владимир Святославич. Для этого ему пришлось осуществить поход на Херсонес и овладеть им. В крещении Владимир принял имя Василий, которое носил византийский император. Заметные успехи византийской политики Владимира, увенчавшиеся крещением Киевской Руси, создали ему необычайно высокий авторитет. Летописцы сочли возможным сравнить киевского князя с римским императором Константином: "Се есть новый Костантиѣ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя; тако и сътвори подобно ему"¹³.

На монетах Владимир изображался в императорском венце и одежде. Удалось ли ему получить императорские одежды и инсигнии в качестве приданого за принцессой Анной или же на монетах была запечатлена несбывшаяся мечта Владимира, сказать с определенностью трудно. По свидетельству Константина Багрянородного, русы, как и другие варварские народы, часто обращались в Царьград с просьбой прислать царские одежды и украшения, но всегда получали отказ. Правда, Владимир сам позаботился, чтобы Киев обрел византийско-римские реликвии. С этой целью он вывез из поверженного Херсонеса мощи Климента Римского, а также иконы, кресты и книги.

Еще больших успехов в уподоблении византийскому цесарю достиг Ярослав Мудрый, названный современниками царем. При нем, как думают некоторые исследователи, усилились антивизантийские настроения на Руси. Подтвердить этот тезис событиями реальной жизни практически невозможно. Наоборот, широкая строительная программа Ярослава, в результате реализации которой Киев обогатился собственными Софией и Золотыми Воротами, свидетельствовала о продолжавшемся соперничестве Киева и Константинополя. "Заложил Ярослав городъ великий, у него же града суть Златая врата; заложил же и церковь святая Софья, митрополью"¹⁴.

Характерно, что и в этом случае киевский князь обратился не столько к современной ему византийской действительности, сколько к ее истокам, к строительной деятельности Юстиниана. И дело не только в заимствовании названия главного храма Константинополя, построенного императором Юстинианом в 532–537 гг., но в самих строительных традициях, масштабности программы. В конце X — первой половине XI в. в Византии таких больших храмов, как София Киевская, уже не строили. Своеобразной рефлексией оценки творения Юстиниана было отношение современников к Софии Киевской. Прокопий Кессарийский, Агафий, Павел Силенциарий писали о Константинопольской Софии с необычайным восторгом, называли ее "чудом и славой века", "чудом света". Митрополит Иларион назвал Софию Киевскую церковью "дивной и славной всѣмъ окружнымъ странам".

Эпизод с поставлением на митрополичью кафедру русского церковного деятеля Илариона также вряд ли возможно квалифицировать как проявление антивизантийских настроений. Если даже оценивать его с позиций попытки киевского князя осуществить национализацию русской церковной иерархии, то и в данном случае антивизантизма здесь немного. Речь может идти все о том же политическом соперничестве. Поставление на митрополичью кафедру русского и даже военный поход 1043 г. на Византию не мешали Ярославу женить своего сына Всеволода на дочери императора Константина IX Мономаха Марии и оказать ему помощь в подавлении восстания Льва Торника 1047 г.

Как же обстояло дело с антивизантийской концепцией в общественной мысли?

М.А.Алпатов полагал, что наиболее ярким памятником с антивизантийскими настроениями является "Слово о законе и благодати", и в этом смысле оно представляет собой как бы идейное вступление к летописи¹⁵. Главный аргумент — отсутствие в перечислении стран, славящих апостолов христианства, Византии. В этом ученый увидел попытку перечеркнуть ее монополию в распространении христианства и показать, что оно — всемирное явление.

Вряд ли такое замечание справедливо. Монополией на распространение христианства в мире Византия никогда не обладала. Илариону это хорошо было известно, и перечеркивать это ему вряд ли бы приш-

ло в голову. Перечисление стран, и в первую очередь Рима, славящих своих апостолов, Илариону понадобилось как своеобразный зачин для похвалы Владимиру Святославичу, которого он считает равноапостольным. "Хвалить же похвальными гласы Римская страна Петра и Павла... Асия і Ефесь и Пафм — Іована Богословца, Индия — Фому, Египеть — Марка, вся страны и гради и людї е чють и славять, коегождо ихъ учителя... похвалимъ же и мы, по силѣ нашей малыми похвалами, великаа сътворышааго, нашего учителя и наставника, великааго кагана наша земли Володимера"¹⁶.

В этом отрывке отсутствует противопоставление Руси Византии, как и утверждение о несомненном преимуществе первой над второй, как показалось М.А.Алпатову¹⁷. Наоборот, из продолжения похвалы Владимиру явствует, что христианская вера заимствована им из Византии: "Паче же слышно ему (Владимиру.— П.Т.) бѣ всегда от благовѣрныхъ земли Греческѣ, христолюбиви же и сильнѣ вѣроу... и си слыша вѣждела сердцемъ, възгорѣ духомъ, яко быти ема христиану и земли его, еже и бысть"¹⁸.

Неоднозначную оценку получило в литературе летописное сказание о посещении апостолом Андреем днепровских гор. М.Д.Приселков, В.М.Истрин были убеждены в прогреческом характере сказания¹⁹, Н.К.Гудзий видел в нем стремление летописцев уравнивать Русь и Византию в правах на христианское наследие²⁰. М.А.Алпатов решительно склонялся к антивизантийскому толкованию легенды, к чему его побудило умолчание в сказании о Константинополе, а также обратный путь Андрея, приведший его не в Константинополь, а в Рим²¹. Людольф Мюллер, обстоятельно исследовавший сказание летописи о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород, не поддержал ни одну из приведенных точек зрения. Путешествие Андрея по Руси, согласно исследователю, предшествовало времени основания им византийской церкви. Следовательно, говорить о зависимости русской церкви от еще не существовавшей византийской нет оснований. Упоминания же Константинополя в Сказании не могло быть по той простой причине, что такого города еще не было. Что касается упоминания древнего Рима, то оно, как полагает Людольф Мюллер, носит индифферентный характер²².

С последним выводом согласиться трудно. Рим в Сказании не просто пункт на обратном пути Андрея. Это город, где апостол представил своеобразный отчет о своем путешествии в страну славян. Людольф Мюллер считает, что Сказание не говорит о миссионерской деятельности Андрея на Руси. В Синопе он проповедует, на Руси молится, благословляет, воздвигает крест²³. Но грань между этими деяниями апостола столь тонка, что для русского книжника конца XI — начала XII в. могла быть несущественной. Посещение киевских гор, их благословение, предсказание рождения большого города и водружение креста апостолом Андреем представлялось ему равным проповеди христиан-

ской веры: "И заутра вставъ и рече к сушимъ с нимъ ученикомъ: "Видител ли горы сия? — Яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать"²⁴.

Главный смысл Сказания об Андрее заключен в том, чтобы уравнивать Киевскую Русь с Византией в деле обретения христианской веры. Обе наследовали ее от Рима и обе имели единого апостола. Своеобразным выражением тенденции соперничества Киева с Константинополем явилось и то, что на Руси X—XII вв. пользовались особой популярностью не современные ей произведения византийской литературы, а древние хроники. В них летописцев привлекала прежде всего концепция мировой истории, творцом которой был Бог.

Влияние ранневизантийских авторов испытал и Нестор. В "Повести временных лет" он не только смог воссоздать широкую историческую картину мира, но и органически ввести в нее историю Руси. Еще Илариону она представлялась страной "яже въдома и слышима есть всѣмъ четыремъ концѣмъ земли".

Политическое соперничество Киева с Константинополем нашло отражение и в западноевропейской историографии. Адам Бременский называл Киев "соревнователем константинопольского скипетра" и "славнейшим украшением Греции"²⁵.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что политическое соперничество Киева с Константинополем в течение всей древнерусской истории велось не на почве вражды и противопоставления, а на почве стремления уравнивания в правах на христианское наследие.

¹ *Малинин В.* Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания. — Киев, 1901. — Прил. — С.49—55; *Гольдберг А.Л.* Три "послания Филофея" // ТОДРЛ. — 1974. — Т.29. — С.68—97.

² *Памятники старинной русской литературы.* — СПб, 1860. — С.296.

³ *Дмириева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. — М.; Л., 1955.

⁴ *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. — М., 1973. — С.165.

⁵ *Гольдберг А.Л.* К предьстории идеи "Москва — третий Рим" // Культурное наследие Древней Руси. — М., 1976. — С.111—116.

⁶ *Синицина Н.В.* О происхождении понятия "шапка Мономаха" (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественной политической мысли XV—XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1987. — С.189—196.

⁷ *Шанов Я.Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI—XIV вв. // Там же. — С.159—166.

⁸ *Алпатов М.А.* Указ. соч. — С.115.

⁹ Там же. — С.116.

¹⁰ *ПВЛ* — М.; Л., 1950. — Ч.1. — С.13.

¹¹ Там же. — С.44.

¹² Там же.

¹³ Там же. — С.89.

¹⁴ Там же. — С.102.

¹⁵ *Алпатов М.А.* Указ. соч. — С.115.

¹⁶ *Ротанов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia. časopis pro slovanskou filologii.* — 1963. — Roc XXXII. — С.163.

- ¹⁷ Алпатов М.А. Указ. соч. — С.116.
- ¹⁸ Розанов А.А. Указ. соч. — С.164.
- ¹⁹ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. — СПб, 1913. — С.160—162; Истрин В.М. Очерки по истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). — Пг., 1922. — С.130
- ²⁰ Гудзий Н.К. История древнерусской литературы. — М., 1966. — С.61—63.
- ²¹ Алпатов М.А. Указ. соч. — С.117.
- ²² Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. 1973. — М. — 1974. — С.53, 60—61.
- ²³ Там же. — С.49.
- ²⁴ ПВЛ. — Ч.1. — С.12.
- ²⁵ Сборник материалов для исторической топографии Киева. — Киев, 1874. — Ч.2. — С.3.